

Джоффри замахнулся топором, с грохотом ударяя по белому дереву. Он выдернул инструмент из щели и снова ударил по твердой древесине, на этот раз срубая больше, дерево стало наклоняться с резким треском и упало, громко рухнув наземь. Он вытер пот с бровей и на минуту прервался, переводя дыхание, упираясь на топор.

Юноша слышал отдаленные брачные крики серебряных обезьян; длинные, полные улюлюканья звуки, от которых словно сама грудь вибрировала. Крокодилы собирали кровавый урожай с самых неосторожных обезьян, из челюсти резко закрывались с разрывающими звуками, которые распространялись по долине и выдавали присутствие реки неподалеку. Тропический лес был абсолютно полон жизни.

- Вот оно подойдет прекрасно, - сказал он, разглядывая сваленное дерево.

- Это! Замечательно! - кто-то выкрикнул. Джоффри покачал головой, улыбаясь красно-розовому попугаю, сидевшему на соседнем дереве. Птица посмотрела в ответ, неподвижно, прежде чем протянуть клюв налево и ухватить какое-то семя.

Величественное белое дерево выглядело идентичным тому, которое только что упало, и так же выглядели и десятки других, которые росли в этой местности; с прямыми, словно фонари, стволами, извилистыми ветвями, словно щупальца кракена. Их широкие листья закрывали небо и горизонт, и служило как бы широкими дорогами для целой цивилизации червей, гусениц и синих муравьев, которые постоянно перебирались с дерева на дерево.

- Это! Это! Это! - заголосил другой попугай.

- Ох, ребята... даже не начинайте, - сказал Джоффри.

- Отлично! - повторил первый попугай.

- Это! - добавил второй.

- Ох ребята! Ох ребята! - прошептал еще один, которого не было видно.

- Отлично! Замечательно!

- Даже! Это!

Джоффри засмеялся, склоняясь вниз для завязывания срубленного ствола длинной веревкой, которую держал на поясе. Он вблизи осмотрел дерево, прежде чем сделать зарубку на древесине зубчатым ножом. Древесина выглядела качественной, безо всяких следов гнили. Юноша кивнул, приподнимаясь, и взял топор двумя руками.

- А теперь давайте вместе, ребята! - воскликнул он.

- Вместе! Теперь давайте вместе!

Джоффри прочистил горло, подождав, пока эхо бесконечных повторений немного утихнет, прежде чем начать петь чистым голосом, повышая громкость:

(«Медведь и прекрасная дева» - крайне популярная в Вестеросе весёлая народная песня)

- Жил-был медведь, косолапый и бурый! Страшный, большой и с мохнатой шкурой!

- Косолапый и бурый! Косолапый и бурый!

- С мохнатой шкурой! С мохнатой шкурой!

Он ударил топором вниз и белые щепки разлетелись во все стороны.

- Однажды на ярмарку двинулся люд, Подался весь люд и медведя зовут!

- Двинулся люд! Медведя зовут!

- Проходим, проезжим — всем любо глядеть, Как пляшут три парня, козёл и медведь!! - пел Джоффри. Каждый раз, как он ударял топором, то переходил к следующему куплету, упирая на определенные слова, чтобы птичий хор повторял нужные фразы.

- Прекрасная дева навстречу идёт, И пышные кудри её словно мёд! - пропел юноша, пока топор глубоко погружался в древесину.

- Прекрасная дева! Словно мёд!

- Тут носом задёргал красавец наш бурый, Страшный, большой и с мохнатую шкурой!

Ах, бедная дева, увы ей и ах! Учужал он мёд у неё в волосах!!! - Джоффри расчистил проруб в стволе от щепок рукой в рукавице, окидывая свою работу критическим взглядом. Он поднял топор с усилием, и снова приступил к труду, перерубая здоровенный ствол так, чтобы осталось бревно длиной где-то с четыре человеческих роста.

- Она и брыкалась, она и визжала, Но всё ж от медведя не убежала.

Плясал с нею бурый весь день напролёт, И с пышных кудрей её слизывал мёд!

- День напролёт! Слизывал мёд! - повторил хор попугаев в разнообразии перьев цветов радуги, взлетая в воздух, когда Джоффри свистнул Станниса, чтобы тот пришел за ним.

- Прекрасная дева и бурый медведь! - закончил он, растягивая последние слова и позволяя им улететь с ветром без продолжения.

Немаленькое бревно едва вмещалось на телеге, и бедный Станнис сильно напрягался, увлекая перегруженный воз мимо холмов Долины Сладкого Лотоса. Большой буйвол имел плохой характер, и Джоффри приходилось постоянно поощрять его нежными бутонами желтого лотоса; иначе зверь не отказался бы пожевать руку Джоффри.

Юноша прекрасно проводил время, напевая такие классические песни, как "Медведь и прекрасная дева", "Непорочные девы лета" и "Ужин у миледи". Дорожка в джунглях была чисто убранной, в основном благодаря усилиям людей принца. В конце концов бело-зеленый свод сменился на вспаханные поля и сады, которые наполнились удивительным разнообразием тропических фруктов.

Джоффри перешел к "Нога из бронзы и стали", затем к "Королевскому кулаку", почувствовав определенную ностальгию от той песни. Однако он быстро поправил настроение, напев "Веревку Ренли", ведь не было лучшего способа, как убить свободное время этого приятного дня.

- Тпру, Станнис! Стой! - он взялся за вожжи, останавливая упрямое животное и глядя на двух летнейцев, шагавших навстречу. Мужчина имел кожу коричневого цвета, а женщина -

кофейного, и была несколько выше своего спутника. Оба были одеты в подлинном островном стиле, в плащах, обшитые красными, желтыми и зелеными перьями попугаев.

- Приятного дня, Джоффри. Это судьба, что мы встретить тебя сегодня, - поздоровалась женщина, улыбнувшись от неожиданности. Хара имела на себе пятнистый пояс из шкуры пантеры под плащом, что делало ее еще более ослепительной и, что еще более усилило любопытство Джоффри, более официально одетом.

- Приятного дня, Хара, Жантас, - ответил Джоффри на островном языке, кивая ей и ему. Высокий, мускулистый Жантас был одет в длинную оранжевую тунику, окрашенную бесчисленными цветами желтого и красного лотоса; это была самая роскошная одежда, которую этот туземец надевал со времени их знакомства.

- Везешь материал на второй аутриггер для твоего маленького кораблика? - спросил Жантас, останавливаясь прямо у места, где Джоффри сидел на небольшой телеге.

(Аутриггер (аутриггер) — всякое выдвинутое за борт дерево или балка, выносная опора, выносной элемент)

- Именно так, - ответил юноша, не в силах сдержать радость в голосе.

Оно так прекрасно подойдет к судну... Ему уже не терпелось уплыть даже под относительно слабым ветром. Ведь немного казалось, что кораблик не поплывет, а полетит.

Жантас ответил такой же улыбкой, которая вскоре приобрела несколько горьковатый оттенок. Хара подошла к Станнису, погладив буйвола, попытавшегося пихнуть ее руку своей головой. Зверь отвел взгляд от темно-карих глаз, вместо этого уставившись в землю.

- Как бы там ни было, а что вы двое здесь делаете? Еще и посреди чудесного летнего дня?

Жантас взглянул на Хару, а она посмотрела на Джоффри.

- ...Хара? - переспросил юноша.

- Мы собираемся отправиться к Ниванзе. Последняя любовь ждет нас, - сказала она.

Джоффри оцепенело смотрел на женщину.

- Но Хара, я... разве еще не рано?

- Первый снег выпал на Уалано, первый в человеческой памяти. Это лишь вопрос времени, когда холода достигнут Джала... Последнее лето заканчивается, - ответила она.

- Но до того еще год времени, а то и больше! Я... и Жантас, - сказал он, оборачиваясь к своему другу,

- Мы собирались отплыть на Солнце через месяц, и я не вижу, для чего вам так поступать сейчас, если...

- Мы обсуждали это в течение месяцев, друг мой, - молвил Жантас,

- Мы окончательно решили прошлой ночью, и уже попрощались со всеми. Еще решили дожидаться тебя, и Санса сказала, что мы встретим тебя на дороге.

- Она ловко скрывала печаль, но уже сказала нам все, о чем ты можешь подумать, - добавила Хара по-доброму.

Джоффри вздохнул, спрыгивая с повозки, и обнял Жантаса:

- Мне будет недоставать тебя у фок-мачте, - сказал он.

- Не судьба, друг, - молвил Жантас, сильно похлопав юношу по спине,

- ...И, несмотря на твой постоянный мухлеж, мне будет не хватать наших ночных партий в кости, - добавил он ломким голосом.

Они разошлись. Жантас прочистил горло, прежде чем хлопнуть Джоффри по руке своей здоровенной ладонью:

- Бонол и Талхас уже купили бочонок лучшего рома, чтобы отпраздновать наше отбытие. Завтра в общинном доме, не пропусти это, иначе моя тень будет преследовать тебя!

- Не пропущу, - сказал Джоффри, чувствуя, как что-то сжало горло.

- Не печалься из-за нас, так суждено было судьбой, - сказала Хара, также обнимая его,

- И не забывай побольше двигать своими ягодицами время от времени, а то так ипустишь корни у вашего чардрева, - добавила она с хитрой улыбкой.

- Попробую, - сказал Джоффри, чувствуя грустную улыбку на губах,

- Береги себя, Хара. И спасибо за все.

Пара пошла дальше, шагая той же дорогой, что и Джоффри, только в противоположном направлении. Она заведет их довольно далеко, вверх по холмам, где всегда дует ветер, вплоть до храма Ниванзе, где они съедят горькие фрукты и займутся любовью, пока их глаза не закроются одновременно. Они уже никогда не смогут открыть глаз.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/61076/1996585>